

лирического чувства, пластичности и широкой распевности мелодики. Имеются песни и драматического плана, в основном балладные, широко распространенные в Белоруссии в XIX — начале XX в. Вполне закономерно отводится большое место свадебным песням — действительно наиболее богатому и многообразному жанру белорусского песенного творчества. Такие мелодические образцы, как, например, свадебный причет (№ 937) или свадебные марши (№ 916, 917), значительно дополняют наши представления об эмоционально-образной дифференциации песен свадебного цикла. Вместе с тем, если брать все указанные свадебные мотивы в совокупности, может броситься в глаза некоторое их интонационное единообразие. По существу многие из этих напевов являются весьма и весьма близкими вариантами. В этом проявляется еще одна характерная особенность раннего традиционного творчества белорусов, а именно — наличие в нем так называемых «типовых» напевов, в данном случае свадебных. Подобные « типовые » напевы являются обобщенным выражением определенного эмоционального состояния или конкретного свадебного ритуала и могут, с небольшими изменениями, объединять громадное количество различных текстов, раскрывающих во всем многообразии данное эмоциональное состояние или ситуацию.

Среди музыкальных записей, помещенных в рецензируемых томах, часто встречаются ранние варианты песен, ныне широко бытующих в западных районах Белоруссии. Вообще мелодический материал в работе «*Lud białoruski*» дает широкие возможности для экскурсов в историческую стилистику белорусской народной музыки, тем более, что обилие материала и систематичность охвата им определенной территории позволяют проследить формирование местных особенностей, что является одной из важнейших задач современной белорусской фольклористики.

Приветствуя ценную инициативу наших польских друзей, предпринявших столь кропотливую и трудоемкую работу по опубликованию материалов известного польского ученого, хочется пожелать им успехов в работе над подготовкой следующих томов этого капитального труда.

В. Елатов, К. Кабашичков

Загадки. Упорядкування, вступна стаття та примітки І. П. Березовського («Українська народна творчість»). Київ, 1962, 511 стр.

Одной из задач современной фольклористики является научное и по возможности полное издание произведений устного народного творчества. Эту задачу в области одного из фольклорных жанров выполняет изданный Академией наук Украинской ССР в серии «Украинское народное творчество» сборник «Загадки», подготовленный И. П. Березовским.

Содержание сборника составляют тексты украинских народных загадок, впервые собранные и изданные в таком количестве и снабженные научным комментарием. Это первый свод украинских народных загадок, сделанный очень внимательно, с учетом всех существовавших до того публикаций и имеющихся архивных материалов.

Вступительная статья удачно характеризует помещенные в сборнике загадки, раскрывает принципы расположения материала в сборнике и не только дает обзор изучения и собирания украинских народных загадок, общую характеристику жанра, но и ставит интересные проблемы его дальнейшего исследования, разработка которых (на материале загадок) может дать существенные результаты и для истории фольклора вообще. Так, немаловажное значение имеет проблема связей литературы и фольклора, как в общепринятом аспекте изучения влияния фольклора на литературу, так и в вопросе о переходе литературного произведения в устное бытование. Очень важна также проблема, поднятая во вступительной статье к сборнику, — о сходстве украинских, белорусских и русских загадок. Исследование ее значительно облегчается, когда мы имеем достоверный и хорошо прокомментированный материал для сопоставлений. Такой материал и дает рецензируемый сборник. Нужно надеяться, что и по загадкам других славянских народов будут изданы подобные же сборники. Отсутствие их очень затрудняет работу. Во вступительной статье поставлен и другой актуальный вопрос — современное состояние, судьба жанра загадок в наше время. Справедлив и хорошо аргументирован вывод автора статьи о том, что загадки не только не исчезают, не вымирают в наше время, но широко бытуют и создаются вновь.

Загадки в сборнике внимательно отобраны и поданы в стройной, продуманной системе. Несмотря на это, расположение материала все же вызывает некоторые замечания. Весь сборник делится на «Дожовтневий період» и «Радянський період». Знакомство с загадками этих разделов прежде всего вызывает вопрос — по какому признаку отбирался материал для раздела «Радянський період»? Как определял составитель, что следует включить в этот раздел? По отношению к некоторым загадкам возникает вопрос — почему они здесь находятся. Так, например, почему загадка № 3523 о само-

варе отнесена в раздел советских, а №№ 1877 и 1878 — тоже о самоваре — в раздел дореволюционных:

№ 3523

Посередині пічка,
А по бокам річка.

№ 1877

Кругом вода,
Посередині огонь

Загадки эти однотипны, только первая избирает более конкретные образы. Недоумение вызывают и помещенные в разделе советских загадки о зонтике (№ 3532):

- а) Згорнеш — клинѐц,
А разгорнеш — млинѐц.
- б) Складеш — клин,
Розкладеш — гриб.

В сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» (СПб., 1901) находим следующую загадку о зонтике (№ 686):

С виду — клин,
Развернешь — блин.

То же самое и с шутливым вопросом: «Чи може дощ іти два дні піряд? — Ні, бо між ними буде ніч» (№ 3726). В указанном выше сборнике Д. Н. Садовникова помещен такой же вопрос: «Может ли дождь идти два дня сряду? — Нет: между двумя днями — ночь» (№ 2289). Загадка об имени (№ 3733), отнесенная в сборнике к разделу советских, совершенно тождественна русской, опубликованной в Вятском календаре за 1892 г. Если включение загадки о зонтике в раздел советских можно объяснить тем, что зонтик стал в наше время более широко распространенным в народе предметом (как это и сделано во вступительной статье), то чем объяснить последние две загадки? Появлением их в советское время на Украине? Но это еще нужно доказать. Ведь даже если эти вопросы не были записаны раньше на Украине, то это не дает оснований считать их созданными теперь; они могли быть просто записаны впервые в недавнее время, а созданы прежде. Следовательно, загадки в раздел советских отбирались не по принципу их создания в наше время. Если же загадки отбирались по принципу бытования, то совершенно очевидно, что в этот раздел нужно было поместить значительно больше загадок и повторить добрую половину вариантов первого раздела. Думается, что дело здесь не в отдельных промахах составителя, а в самом существе вопроса. Не следовало делить загадки на два периода, так как раздел загадок должен был бы включить все бытующие сейчас загадки и неизбежно повторить варианты дореволюционного периода (загадки о солнце и звездах, березе и лесе, ведрах и ковшах и т. д. бытуют и сейчас) или ограничиться вновь созданными, а их очень немного, и не о всех предметах создавались новые загадки. Третьего пути, который попытался найти составитель сборника, очевидно, быть не может. Загадки о новой технике, предметах и явлениях, вошедших в жизнь в наше время, естественно, составили бы один из тематических разделов сборника, но, конечно, в него не вошли бы загадки о самоваре, зонтике и т. д. Вопросы бытования сейчас старых загадок, переосмысления и видоизменения их в связи с новыми понятиями и явлениями, включение в них новых слов и образов более подробно можно было осветить во вступительной статье, самые тексты присоединив к вариантам соответствующих загадок дореволюционного времени. Тогда и изменение текста загадки под влиянием новых условий было бы более наглядным.

Внутри двух больших разделов загадки расположены по тематическим группам. Такое расположение материала давно стало традиционным в нашей науке. Оно отвечает самому существу загадок, тесно связанных с жизнью, бытом человека. Можно спорить о том, какие тематические группы должны открывать публикацию загадок, какие группы вообще выделить (более крупные или дробные). Бесспорный вариант в данном вопросе едва ли может быть найден. И как ни стройно и продуманно расположение материала в сборнике, трудности, с которыми столкнулся составитель, отразились и здесь. Сомнение вызывает вынесение в отдел головоломок и шарад загадок, которые исследователи относят к сохранившим следы тайной речи (Пришла шайда-байда, взяла штрики-брики, як почули м'якиники та сказали житникам: «Сідайте на вісяники, доганяйте шайду-байду, віднімайте штрики-брики». — Волк, коза, собака, люди, кони. — № 3116). До некоторой степени подобные загадки сейчас уже воспринимаются как головоломки, но по своим особенностям и по способу отгадки

они составляют совершенно особую группу, более близкую к загадкам метафорическим и аллегорическим, чем к шарадам и головоломкам, шутливым вопросам. Не потому ли в сборнике среди загадок, включающих элементы тайной речи, подставные слова, встречаются загадки метафорического характера, например загадка № 3178 про очки:

Живуть два други,
Дивляться в два круги.

Где грань между подставным словом и метафорой? Вряд ли следовало ее проводить и отделять указанные загадки от общей массы метафорических загадок. И уже совсем не следовало отделять загадки указанного типа (№ 3102—3186) от сходных с ними загадок-диалогов (№ 3244—3250), где также присутствуют подставные слова.

Публикация материалов сопровождается комментарием, сообщающим источник и место записи опубликованного варианта, указывающим, в каких печатных и рукописных собраниях можно еще встретить варианты этой загадки, где они записаны и встречаются ли с другими отгадками. Такой тип комментария является новостью в нашей науке и его следует всячески приветствовать. И. П. Березовский проделал большую работу по учету печатного и рукописного материала украинских народных загадок. Думается, что учет проведен довольно полный, однако и в том случае, если будут найдены какие-то пробелы и неточности, это несколько не умалит значения проделанной работы и ценности предложенного типа комментария. Хорошо, что составитель не пошел по пути комментирования загадок, утвердившемуся в русской фольклористике, когда загадки комментируются выборочно (объясняются слова, образы и т. д.) и не дается достаточно надежного материала для изучения собранных загадок. Комментарий в академическом издании должен быть предельно скупым, точным, библиографичным; давно пора относиться к загадкам так же, как и к другим жанрам фольклора, и при публикации указывать как место записи, так и варианты к каждой загадке, а не просто давать список сборников, откуда взяты тексты или отсылать читателя к архиву составителя.

Предпосланный комментарий список принятых сокращений не только помогает ориентироваться в комментарии, но позволяет проверить, какие издания и архивные собрания учтены составителем.

Сборники загадок, подобные изданному Академией наук УССР, очень нужны для исследовательской и практической преподавательской работы, интересны широкому читателю.

В. Митрофанова

И. В. Пухов. *Якутский героический эпос олонхо. Основные образы*. М., 1962, 256 стр.

Якутский героический эпос — олонхо более ста лет привлекает к себе внимание исследователей. Однако в целом этот жанр устного народного творчества якутов не подвергался систематическому анализу. И. В. Пухов поставил перед собой цель восполнить этот пробел путем исследования основных образов олонхо. И, по нашему мнению, удачно справился с этой задачей.

Материалом для написания монографии «Якутский героический эпос олонхо» послужили: рукописные тексты олонхо, хранящиеся в архиве Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (25 произведений); сюжеты 9 олонхо, записанные автором во время исполнения их олонхосутами; 19 текстов олонхо, изданных в разное время на якутском языке; 14 текстов, изданных только в переводе на русский язык. Широко использовано автором олонхо «Неспотыкающийся Мюльдю Сильный», записанное из уст прославленного олонхосута Д. М. Говорова и изданное на якутском языке. Это одно из самых крупных олонхо — размер его 19271 строка. Таким образом, работа И. В. Пухова базируется на солидном материале.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении автор знакомит читателя с распространением и бытованием олонхо, историей собирания и публикации текстов, а также с пересказами, изложениями, поэтическими и драматическими обработками. Критическому анализу подвергнуты во введении наиболее значительные работы и высказывания об олонхо. Особое внимание уделено датировке этого жанра фольклора. Возникновение олонхо автор относит к эпохе позднеродового строя (стр. 28), указывая, что якутский героический эпос начал складываться не позднее XII—XIII вв. (стр. 22). Истоки олонхо, по мнению И. В. Пухова, восходят к тому периоду, когда предки якутов жили еще на своей южной родине. Олонхо рисует обще-